

Золотой Компас

В серии «Золотой компас»
вышли книги Филипа Пулмана

Цикл «Темные начала»:

Северное сияние

Чудесный нож

Янтарный телескоп

*

Сказки братьев Гримм

*

Приключения Джона Блейка.

Тайна корабля-призрака

*

Голоса деймонов

*

Ли́ра Бе́лаква

Оксфорд Лиры

Однажды на Севере

*

Таинственные расследования Салли Локхарт

Рубин во мгле

Тень «Полярной звезды»

Тигр в колодце

Оловянная принцесса

*

Книга Пыли

Прекрасная Дикарка

Филипп
Пулман

КНИГА
ПЫЛИ

Тайное
содружество

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)
П88

Philip Pullman
THE BOOK of DUST
The Secret Commonwealth

*The Secret Commonwealth is first published in Great Britain in 2019
by David Fickling Books, 31 Beaumont Street, Oxford, OX1 2NP,
in association with Penguin Books, 80 Strand, London WC2R 0RL*

Печатается с разрешения литературных агентств
United Agents LLP u Synopsis Literary Agency

Пулман, Филип.

П88 Книга пыли. Тайное содружество / Ф. Пулман; пер.
с англ. А. Блейз и А. Осипова. – Москва : Издательство
АСТ, 2020. – 768 с. – (Золотой компас)
ISBN 978-5-17-122479-0

Прошло двадцать лет с тех пор, как лорд Азриэл постучал в ворота Иордан-колледжа и передал младенца — свою дочь Лиру — под защиту университетских стен. Прошло почти десять лет с тех пор как читатели расстались с Лирой и Уиллом, дочитав последние страницы «Янтарного телескопа» — романа, которым завершилась трилогия «Темные начала».

Лире двадцать лет, она уже не ребенок, а мир, который она знала и любила, меняется. Ей нужны ответы на вопросы, которые проще было бы не задавать. И чтобы получить их, она отправляется в путешествие, которое снова изменит ее жизнь, — через всю Европу, на загадочный, жестокий, непредсказуемый Восток.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)

Copyright © 2019 by Philip Pullman
© А. Блейз, А. Осипов, перевод на
русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-122479-0

*Посвящается Нику Мессенджеру,
прекрасному поэту и неукротимому другу*

ОТ АВТОРА

«Тайное содружество» — вторая часть трилогии «Книга Пыли». Ее главная героиня, Лира Сирин, в прошлом известная под именем Лира Белаква, была центральным персонажем и в предыдущей трилогии, «Темные начала». Более того, первая трилогия началась и заканчивалась ее именем. В той истории Лире было всего одиннадцать или двенадцать лет.

В книге «Прекрасная дикарка» — первой части второй трилогии — Лира еще совсем маленькая. Она и здесь занимает центральное место в повествовании, но главным действующим лицом оказывается одиннадцатилетний мальчик, Малкольм Полстед.

В «Тайном содруестве» мы переносимся лет на двадцать вперед. События «Темных начал» остались в прошлом: Малкольм и Лира стали старше на десять лет. События «Прекрасной дикарки» отошли еще дальше в прошлое.

Но ничто не проходит бесследно, и последствия некоторых событий становятся явными не сразу, а лишь много лет спустя. Да и мир не стоит на месте: расстановка сил меняется, кто-то набирает влияние, кто-то, наоборот, теряет. У взрослых — свои проблемы и заботы, не всегда такие же, как в детстве. А Лира и Малкольм, повторюсь, уже не дети.

Филип Пулман

Всё, во что возможно поверить, —
образ истины.

Уильям Блейк

Глава 1

ЛУННЫЙ СВЕТ И ПРОЛИТАЯ КРОВЬ

В колледже Святой Софии, на подоконнике тесной комнатухи, служившей одновременно и кабинетом, и спальней, лежал Пантелеймон, деймон Лиры Белаквы, которую теперь звали Лира Сирина. Он ни о чем не думал — насколько мог, но чувствовал всё — и холод сквозняка из-под плохо подогнанной рамы, и тепло лампы, светившей внизу, на столе, и скрип Лириного пера, и тьму за окном. Холод и тьма, вот чего ему сейчас хотелось больше всего. А говорить с Лирой не хотелось. Но пока он так лежал, ворочаясь с боку на бок и подставляя сквозняку то спинку, то живот, желание выйти наружу становилось все сильнее и, наконец, победило.

— Открой окно, — сказал он. — Я хочу выйти.

Перо Лиры замерло. Отодвинув стул, она встала. Пантелеймон видел в стекле ее отражение, парящее над ночным Оксфордом. И даже мог прочесть по ее лицу, что она возмущена и недовольна.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — добавил он. — Само собой, я буду осторожен! Я не дурак!

— Это как посмотреть, — буркнула Лира.

Она подняла раму и подперла ее первой подвернувшейся под руку книгой.

— Только не... — начал он.

— Только не закрывай окно? Ну конечно, Пан! Просто сиди тут и мерзни, пока Пан не соизволит вернуться. Я, знаешь ли, тоже не полная дура. Всё, хватит! Проваливай!

Он скользнул наружу, в заросли плюща, оплетавшего стену колледжа. До ушей Лиры донесся лишь едва слышный шорох, да и тот через мгновение стих. Пану не нравилось, как они с Лирой теперь общались, или, вернее, не общались. Это были первые слова, которыми они обменялись друг с другом за целый день. Но он не понимал, как это исправить, и Лира тоже.

На полпути вниз ему попалась мышь. Пан запустил в нее острые иглы зубов и хотел съесть, но, к удивлению мыши, передумал и отпустил. Сидя на толстой ветке плюща, он с наслаждением купался в запахах, в шальных порывах ветра, во всей бескрайней, распахнутой настезь ночи.

Но об осторожности забывать было нельзя. На то имелось две причины. Первая — сливочно-белое пятно у него на шее, досадно ярко сверкавшее на фоне красно-бурого меха. Впрочем, не так уж трудно бежать, не поднимая головы, или просто побыстрее перебирать лапами. Вторая причина была куда серьезнее. При виде Пана никому бы и в голову не пришло, что он — обычный хорек. Да, он выглядел точь-в-точь как хорек, но все же был деймоном. Объяснить, в чем разница, было очень сложно, но в Лирином мире любой человек почувствовал бы ее сразу, как мы узнаем кофе по запаху или видим, что красный цвет — красный.

И любой с уверенностью сказал бы, что человек без деймона, как и деймон без человека — это жутко, противоестественно и невозможно. Обычному человеку было не под силу отделиться от своего деймона, хотя ведьмы, по слухам, это умели. Так что Лира и Пан обладили особым даром, который восемь лет назад обрели в мире мертвых, дорого за это заплатив. Вернувшись в Оксфорд, они никому об этом не рассказывали и предлагали все усилия, чтобы тайна не вышла на свет. Но иногда, а в последнее время все чаще, они чувствовали необходимость побыть друг без друга.

Пан держался в тени, пробираясь сквозь кусты и высокую траву по краю огромных, аккуратно подстриженных лужаек Университетского парка. Он впитывал ночь всеми доступными органами чувств, но не издавал ни звука и не поднимал головы. Вечером прошел дождь, земля под ногами была мягкой и влажной. Вскоре на пути попалась лужица, и Пан, подогнув лапы, окунулся грудью в жидкую грязь, чтобы замазать предательское пятно под подбородком.

Оставив парк позади, он метнулся через Банберирод, выждав момент, когда на тротуаре не осталось ни одного пешехода и только вдалеке виднелся одинокий экипаж. На другой стороне улицы Пан юркнул за ограду большого дома и помчался дальше — сквозь живые изгороди, по стенам, под заборами, через садики и лужайки. От Иерихона* и канала его отделяло всего несколько улиц.

* Иерихон (Джерико) — исторический пригород Оксфорда, названный в честь библейского города и расположенный на берегу Оксфордского канала за пределами старой городской стены. *(Здесь и далее прим. переводчиков.)*

Добравшись до раскисшей от дождя тропинки вдоль канала, он немного успокоился. Тут росли кусты и высокая трава, в которых легко было спрятаться, и деревья, — а уж взобраться на дерево Пан мог быстрее, чем огонь бежит по фитилю к пороховой бочке. Эта полудикая часть города нравилась ему больше всего. Он знал наизусть все ручьи и реки, разрезавшие Оксфорд вдоль и поперек, — не только канал, но и широкий простор самой Темзы, и впадавший в нее Черуэлл, и все бесчисленные мелкие протоки, отведенные от них, чтобы вращать колесо водяной мельницы или питать декоративный пруд. Иногда они исчезали под землей, чтобы снова вынырнуть на поверхность из-под стены какого-нибудь колледжа, за одним из городских кладбищ или за пивоварней.

Там, где один из таких ручейков приближался к каналу почти вплотную и их разделяла лишь узкая тропинка, Пан перебежал кованый мостик и двинулся вниз по течению — к обширным садам и огородам, раскинувшимся к югу от скотного рынка Окспенс и к востоку от станции Королевской почты и железнодорожного вокзала.

Сияла полная луна, между несущимися по небу клочьями туч проглядывали редкие звезды. Гулять при лунном свете было вдвойне опасно, и все же Пан наслаждался этим холодным, серебристым сиянием. Неслышно, как тень, он крался под деревьями, проскальзывал между стеблями брюссельской и цветной капусты, между стрелками лука и шпината, пока не добрался до садового сарая. Запрыгнув наверх, он распластался на плоской крыше, покрытой толем, и стал разглядывать почтовую станцию вдалеке за широким лугом.

Похоже, это было единственное место в городе, где и ночью бурлила жизнь. Пан не раз приходил сюда вместе с Лирой посмотреть на поезда, прибывающие с севера и юга и разводящие пары у платформы, пока рабочие выгружают мешки с посылками и письмами в большие корзины на колесах и катят их в огромный, обшитый металлическими листами ангар. В этом сарае почту в Лондон и на континент сортировали, чтобы отправить дальше с утренним дирижаблем. Воздушный корабль стоял тут же: гондола раскачивалась на ветру, стальные тросы то натягивались во всю длину, то провисали, со звоном ударяясь о причальную мачту. Повсюду горели фонари — и на платформе, и на мачте, и над входом в ангар. На боковых путях гремели вагоны, створки металлических дверей то расходились, то с лязгом захлопывались.

Краем глаза Пан заметил движение справа. Очень медленно повернул голову. Вдоль грядки с капустой или брокколи кошка кралась за мышью. Но прыгнуть она не успела. Бесшумная белая тень, больше Пана, обрушилась перед ней с высоты и, схватив добычу, взмыла в небо, подальше от кошачьих когтей. Мерно взмахивая крыльями, сова пролетела над огородами и опустилась на дерево за Райской площадью. Кошка сидела, словно задумавшись, как же это она так оплошала, но вскоре встала, отряхнулась и снова отправилась на охоту.

Луна поднялась выше и засияла ярче, облака почти рассеялись, и с крыши сарая Пан мог теперь во всех подробностях разглядеть и огороды, и скотный рынок. Теплицы и огородные пугала, оцинкованные загоны для скота, поилки, старые, прогнившие и покосившиеся ограды и новые, ровные и аккуратно выкрашенные,

оббитые плетями гороха треугольные подпорки на грядках, похожие на каркасы маленьких вигвамов, — все серебрилось в свете луны, словно декорации театра призраков. «Лира, Лира, что с нами случилось?» — прошептал Пан. Никто ему не ответил.

Почтовый поезд уже разгрузили — коротко свистнув, он тронулся с места. Пан ожидал, что сейчас он выкатит на южный путь, тянувшийся вдоль огородов и через реку. Но поезд проехал чуть вперед и, громыхая вагонами, медленно сдал на запасный путь. Пар клубами валил из трубы и разлетался в клочья на холодном ветру.

С той стороны реки, из-за деревьев, приближался другой состав — видимо, не почтовый: проехав мимо станции, он остановился ярдов через триста, у пассажирской платформы. «Наверное, из Рединга», — подумал Пан. Его уши уловили шипение пара и приглушенный скрежет тормозов.

И еще какое-то движение.

Слева от него, где через реку был переброшен железный мост, по берегу, густо заросшему камышами, шел человек. Он явно спешил, но при этом, кажется, старался держаться скрытно. Пан тут же спрыгнул с крыши сарая и бесшумно помчался к реке. Огибая луковые и капустные грядки, проскальзывая между прутьями изгородей, он добежал до ржавой водяной цистерны, пробрался под ней, выскочил на край последней делянки и замер, уставившись на реку и луг через пролом в шиферной ограде.

Человек шел в сторону почтовой станции, и чем ближе он к ней подходил, тем осторожнее становились его движения. Наконец, он остановился у ивы на берегу, ярдах в ста от ворот станции и почти

напротив пролома, за которым притаился Пан. Даже зоркие глаза деймона едва различали его в тенях. Пан потерял бы его из виду, если бы отвернулся хоть на миг.

Человек не шевелился. Пан не столько видел его, сколько просто знал, что он все еще там. Прошла минута, за ней другая. В городе, к которому Пан сейчас сидел спиной, колокола начали отбивать по два удара: половина первого ночи. Пан огляделся. Слева от ивы, неподалеку, стоял старый дуб, раскинув на зимнем ветру голые ветви. А справа...

Справа через ворота почтовой станции перелезал другой человек. Спрыгнув на землю, он торопливо зашагал вдоль берега к той самой иве, где ждал первый.

На миг луна скрылась за тучей, и в набежавшей тени Пан нырнул под ограду и со всех лап помчался по мокрой траве, стараясь не шуметь. Он помнил про сову, помнил про человека под ивой. Но ему нужно было добраться до этого дуба. Добежав, он подпрыгнул, выпустив когти, вцепился в кору и взобрался на высокую ветку, откуда иву было видно как на ладони — теперь, когда луна снова вышла из-за облака.

Человек с почтовой станции уже приближался. Когда он подошел совсем близко и замедлил шаг, вглядываясь в темноту, первый — тот, что ждал под ивой, — бесшумно выступил из укрытия и что-то тихо сказал. Что именно, Пан не расслышал, но так обычно говорят сообщники. Эти люди встретились тут не случайно.

У одного деймон был похож на мастифа, у другого — тоже собака, но ростом пониже, на коротких лапах. Собаки, конечно, по деревьям не лазают, но

учуять его вполне могли, так что Пан еще теснее прижался к толстой ветке. Люди под ивой о чем-то шептались, но слов он по-прежнему не разбирал.

Между высокой проволочной оградой почтовой станции и рекой, вдоль огородных участков, через луга, тянулась тропа к вокзалу. По ней обычно и ходили сюда от церкви Сент-Эбб и газового завода, окруженного сетью узких улочек. С ветки дуба Пан видел дальше, чем люди внизу, и потому первым заметил, что со стороны станции приближается кто-то еще. Один, без спутников, человек шагал по тропе, подняв воротник — должно быть, ему было холодно. Потом из темноты под ивой донеслось: «Ш-ш-ш!» Эти двое тоже заметили третьего.

* * *

В тот же день, только раньше, и не в Оксфорде, а в Женеве, еще двое вели беседу в элегантном особняке семнадцатого века, близ собора Святого Петра. Библиотека на втором этаже выходила окнами на тихую улочку, погруженную в полумрак зимнего вечера. На длинном столе красного дерева были разложены стопки бумаги, карандаши и ручки, стояли пресс-папье, стаканы и графины с водой, но собеседники сидели не за столом, а в креслах по обе стороны от жарко горящего камина.

Хозяин, Марсель Деламар, был генеральным секретарем организации, неофициально известной по названию дома, в котором она размещалась, — того самого, где и шла сейчас беседа. Назывался он *La Maison Juste* — «Дом справедливости». Деламар, ухоженный мужчина чуть за сорок, был в очках и в сером, под цвет его темных с проседью волос, costume,

безупречно подогнанном по фигуре. Его деймон, полярная сова, восседал на спинке кресла. Ее желтые глаза неотрывно следили за деймоном в руках гостя — алым ужом, который бесконечной лентой вилась и перетекал между его пальцами. Гостя звали Пьер Бино. Ему было за шестьдесят, и в пасторском воротнике он выглядел суровым аскетом. Этот человек возглавлял Суд консистории — главное орудие Магистериума, с помощью которого тот насаждал дисциплину и поддерживал свою безопасность.

— Ну? — поторопил Бино.

— На станции Лобнор пропал еще один научный сотрудник, — сказал Деламар.

— Почему? Что говорит ваш агент?

— По официальной версии, пропавший человек и его спутник заблудились среди протоков, расположение которых меняется очень быстро и непредсказуемо. Местность там и вправду очень сложная: каждый, кто покидает станцию, обязан брать с собой проводника. Но наш агент сообщил, что, по слухам, они отправились в пустыню по ту сторону озера. Там ходят легенды о золоте...

— К черту легенды. Это были специалисты по ботанике и экспериментальной теологии. Люди науки. Они искали розы, а не золото. Но вы говорите, пропал только один? А со вторым что?

— Второй вернулся на станцию, но тут же отбыл в Европу. Его фамилия — Хассаль. Я вам о нем говорил на прошлой неделе, но вы, вероятно, были слишком заняты и не услышали. Мой агент полагает, что этот Хассаль везет с собой образцы роз и пачку статей.

— И мы его еще не схватили?

